

Тем временем —

Чу Шэчжи быстро окинул взглядом окрестности. Вэй Минцзюэ, как он и опасался, нигде не было. Сердце его на миг ушло в пятки, но внешне он остался невозмутим, как будто ничего особенного не произошло.

— Раз малого вана здесь нет, я, пожалуй, откланяюсь, — вежливо произнес он.

Маркиз, Усмиряющий Север, внезапно выбросил руку в сторону его плеча — движение было стремительным и таило в себе явную угрозу. Бровь Чу Шэчжи дернулась. Его правая рука едва заметно шевельнулась, из рукава выскользнул веер: раскрыть, сложить, развернуть — движения слились в единый изящный поток. Маркиз не успел уследить за траекторией веера, лишь почувствовал, как что-то мелькнуло перед глазами, и его хватка была заблокирована.

Легко отведя удар, Чу Шэчжи выждал полсекунды, после чего с легким шорохом раскрыл веер и дважды взмахнул им. Тон его был таким обыденным, словно он только что обменялся с маркизом дружеским приветствием:

— У господина маркиза сокрушительная сила ладони и глубокое внутреннее мастерство. Восхищен.

На мгновение показалось, что промелькнувшая жажда убийства была лишь игрой воображения. Маркиз погладил усы и довольно улыбнулся:

— Истинный герой цзянху, мастерство у вас действительно выдающееся. В вашем возрасте мне до вас было далеко. Не желаете ли как-нибудь на досуге как следует помериться силами?

— Господин маркиз слишком добр. Для меня честь обменяться с вами ударами. Но, боюсь, сейчас никак — я связан неотложным делом, — Чу Шэчжи слегка поклонился, сложив руки. — Не стану скрывать: мой тяжелобольной друг доверил мне отыскать мастера Тяньцзина, чтобы тот его исцелил. Поскольку мастер давно отошел от дел, Цзюцзянь вызвался сопровождать меня, чтобы встретиться с этим другом от лица мастера. Малый ван отправился в путь вместе с нами лишь волею случая. Вы с ним связаны узами наставника и ученика, так что ваше желание оставить его у себя для беседы вполне естественно, но мы с Цзюцзянем — люди посторонние, и задерживаться после сегодняшнего дня нам неудобно. Поэтому я пришел предупредить малого вана, а раз его сейчас нет, прошу вас передать ему, что завтра мы с Цзюцзянем двинемся дальше.

Маркиз не дал прямого ответа:

— Хотя я не вмешиваюсь в дела цзянху, до меня дошли слухи о недавней шумихе. Тот ваш друг — не Вэй Буфань ли, глава павильона Ветров и Облаков, что в двадцать лет возродил секту Владыки Клинки благодаря семейной технике меча Шести Согласий и прославился на весь мир? Говорят, он уже несколько дней не выходит из павильона, и в народе шепчутся, будто он

тяжело болен.

Чу Шэчжи изобразил легкое удивление:

— Оказывается, болезнь брата Вэя уже стала притчей во языцех. Да, именно о нем я и говорил.

— Мастерство Тяньцзина в медицине действительно непревзойденно. В свое время его шаолиньская техника внутренней акупунктуры семьюдесятью двумя золотыми иглами исцелила немало безнадежных больных. Неудивительно, что глава павильона Вэй вспомнил о нем, — маркиз как бы невзначай добавил: — Однако, судя по всему, внутренние силы его ученика весьма посредственны. А этот метод, насколько мне известно, требует мощной поддержки изнутри. Боюсь, с таким мастерством, как у этого юного монаха, добиться результата будет трудно, не так ли?

Чу Шэчжи понял, что просто так его не отпустят, и пришлось выкручиваться:

— Возможно, у мастера Цзюцзяня есть свои секреты. Моя задача — лишь доставить человека, а в такие тонкости я... не вникал.

Маркиз прищурился:

— Вот как. Кстати, я давно хотел завести знакомство с героями цзянху. На Северо-Западе края суровые, но есть там одно редкое лекарственное снадобье, растущее в пустыне Гоби, к северу от нашего военного лагеря. Оно обладает чудодейственным эффектом при лечении отравлений. Оставайтесь с этим мастером в моем поместье на несколько дней, я прикажу достать его и подарю главе павильона Вэю. Что скажете?

Чу Шэчжи горько усмехнулся и был вынужден согласиться. На Северо-Западе маркиз — словно полновластный государь, его влияние огромно, и идти с ним на открытый конфликт означало лишиться всякой свободы передвижения. Будь он один, он бы нашел способ ускользнуть, но с Цзюцзянем и малым ваном это было невозможно. Раз маркиз пока хочет сохранять видимость приличий, лучше не обострять ситуацию и искать другой путь к отступлению.

Выйдя от маркиза, Чу Шэчжи был полон тревоги. Теперь он был уверен: его брат Вэй уже связан с маркизом. Он никогда никому не говорил, почему Вэй Буфань прикован к постели. Павильон Ветров и Облаков знаменит, врагов у него хватает, и большинство людей в цзянху полагают, что Вэй получил внутренние повреждения в схватке с недругами. Маркиз же с ходу выпалил про отравление. Пусть это не совсем точно, но состояние Вэя во время приступов Порошка Высшего Блаженства вполне можно принять за действие яда.

Погруженный в мысли, он не заметил, как ноги принесли его к Обителю Лотоса. Опомнился он лишь тогда, когда рука уже постучала в дверь.

— Господин Чу, — одна из служанок заметила его, — вы ищете мастера Цзюцзяня? Его здесь нет. Только что он читал нам проповеди у пруда, а барышня, прослышав об этом, проявила интерес и велела пригласить его к себе.

Чу Шэчжи замер. Раз маркиз в поместье, встречаться с Чжао Цзинжоу днем слишком рискованно. Он не ожидал, что она сама пойдет к Цзюцзяню.

— Где они сейчас? — спросил он. Зная характер Чжао Цзинжоу, он понимал: она не из тех, кто будет сидеть в четырех стенах, пока не наступит ночь.

— Эта заколка слишком тяжелая, эта слепит глаза, а эта — просто уродство! — Чжао Цзинжоу с досадой отшвырнула ворох украшений и, схватив простую серебряную шпильку в форме веера, с силой вогнала ее в деревянный порог. — Веер, рассыпаться... Даже если меня выдают замуж, не обязательно так издеваться, намекая на мою судьбу!

Я беспомощно оглядел служанок, которые боялись даже вздохнуть, и, понимая ее гнев, шагнул вперед:

— Если госпожа не побрезгует, позвольте мне попробовать?

Чжао Цзинжоу вовсе не хотела придирается к служанкам, в ее глазах промелькнула усталость и насмешка над самой собой:

— Я так давно не наряжалась... Неужели все благородные девицы должны носить такие узкие платья, в которых и шагу не ступить, и нагромождать на голове столько золота и нефрита, что прическа становится похожа на ежа?

Ее прямота позабавила меня, и я не сдержал улыбки:

— Совсем не обязательно. Красота не в количестве заколок. Если прическа простая, достаточно одной-двух.

Чжао Цзинжоу удивленно распахнула глаза:

— Монах разбирается в таких вещах? — она тут же смущенно прикрыла рот рукой.

— У меня самого волос нет, но видеть их приходилось немало. Не стоит меня недооценивать, — когда я был маленьким и не мог усидеть на месте, пока старый мастер читал проповеди, я часто убегал играть с детьми хозяев домов. Одна семья торговцев делала заколки, и они не возражали, когда я наблюдал за работой. Кое-чему я у них научился.

— Глядя на платья, которые принесли служанки, я заметил, что большинство из них красного

цвета, — я сел за столик и взял кисть. — Госпожа не любит сложных причесок, и подвески вам не к лицу. Тогда...

Я нарисовал синей краской несколько цветков бегонии и, внося правки по советам Чжао Цзинжоу, закончил эскиз:

— Используем ярко-синий шелк, золотые нити и модную сейчас технику филигрании. В центр цветка добавим жемчужину. Будет изысканно, но не тяжело, и такой аксессуар отлично дополнит ярко-красный наряд.

Я невольно начал покусывать кончик кисти — дурная привычка с детства: когда я о чем-то глубоко задумываюсь, руки сами тянутся к зубам.

— Конечно, техника перегородчатой эмали изысканнее и дороже, но буддистам не пристало поощрять убийство живых существ, поэтому советовать ее не буду.

Чжао Цзинжоу с радостью взяла рисунок, но, взглядевшись в него, вдруг изменилась в лице. Я подумал, что что-то не так:

— Госпожа считает, что нужно что-то изменить?

Она долго хмурилась, потом покачала головой:

— Нет, мне очень нравится эскиз мастера Цзюцзяня. Просто... в голове вдруг всплыло что-то из прошлого. Но это было так давно, что я не могу вспомнить.

[Четырнадцать лет назад]

В боковом покое дворца Циннин двое детей, мальчик и девочка лет пяти, сидели на кушетке, устланной шкурой белого лиса. С точками киновари на лбах, ясными глазами и белоснежными зубами, они напоминали сказочных небожителей.

Мальчик одной рукой сжимал кисть, а другой пытался отнять у девочки лист бумаги:

— Не порти мои цветы!

Девочка надула губы:

— Перестань рисовать цветы! Я люблю орлов, нарисуй мне орла!

— Не буду! Я люблю цветы, хочешь орла — рисуй сама! — мальчик почувствовал, что

проигрывает, и в голосе его слышались слезы.

Девочка тоже разозлилась. В пылу борьбы они дернули бумагу, и та с треском порвалась пополам. Мальчик замер, его глаза мгновенно затуманились.

— Беда! — кормилицы и служанки вбежали в комнату, где беседовали знатные дамы. — Ваше Величество, госпожа, шестой принц и барышня Чжао подрались!

Кормилица сгустила краски, но когда императрица и госпожа Аньдин прибежали, дети уже снова играли вместе. Мальчик, покусывая кисточку, со слезинкой на ресницах задумчиво смотрел на бумагу:

— На самом деле, я еще не учился рисовать орлов.

— Жоу-эр, почему ты опять обижаешь шестого принца! — госпоже Аньдин не нужно было спрашивать, чтобы догадаться о причине. — Эта девчонка с детства такая властная, совсем не оправдывает свое имя, означающее мягкость.

Императрица была человеком мягким:

— Ничего страшного. У Цзи-эра характер покладистый, ему как раз нужен такой товарищ по играм, чтобы закалить дух.

Она смотрела, как сын хаотично мажет по бумаге, как дочь Аньдин пренебрежительно рвет его рисунки, а он, не зная, куда деться от стыда, тайком топчет их ногами, и невольно рассмеялась:

— К тому же, кто сказал, что это обида? В народе говорят о таких — милые бранятся, только тешатся. Как думаете, не про них ли это?

Госпожа Аньдин хотела улыбнуться, но не решилась:

— Это еще так далеко... К чему императрица заговорила об этом? Мне даже неловко.

Пока они говорили, дети снова подняли шум. Маленькая барышня из дома Аньдин по-стариковски вздохнула:

— Ладно, раз ты умеешь рисовать только цветы. Что в них хорошего? Они же не летают.

— Кто сказал? Цветы летают! — возразил шестой принц Шэнь Цзи. — Ветер подует — и они полетят.

— Это ветер их несет, а не они сами! — гордо задрала голову девочка. — А я люблю орлов: захотел — полетел. Отец говорит, у меня большие амбиции.

Маленького Шэнь Цзи это обидело:

— Но цветы тоже хороши! Отец всегда рисует цветы на лице матушки и говорит, что научит меня, когда я вырасту!

Дети еще не понимали смысла своих слов, но лицо императрицы покраснело, и она прошептала:

— Чему только учит...

— Не понимаю, зачем ждать, пока вырасту, — продолжал Шэнь Цзи. — Я уже умею! Я лучше всего рисую цветы, я нарисую тебе!

Сказано — сделано. Он с энтузиазмом велел Чжао Цзинжоу выбрать цвет. Она долго колебалась перед палитрой и выбрала синий.

— О! Я знаю этот цвет! — принц перерыл весь беспорядок на кушетке и наконец нашел коробочку с золотой пудрой. — Смешаем это, нанесем на лоб — будет очень красиво. Не двигайся, я нарисую тебе второй по красоте цветок в мире.

— Почему второй?

— Потому что первый по красоте я нарисую матушке.

Маленький принц впервые рисовал на ком-то, нервничал так, что чуть не перегрыз кисточку:

— И вообще, ты не любишь цветы. Когда я научусь рисовать орлов, нарисую тебе на лице первого по красоте орла в мире.

— А... орел на лице не будет слишком большим?

— Сколько вопросов! Ты же сама сказала, что любишь орлов?

...

После того как госпожа Аньдин и Чжао Цзинжоу ушли, императрица нежно вытерла краску с лица сына — неизвестно, когда он успел испачкаться:

— Цзи-эр, тебе нравится Жоу-эр? Хочешь, чтобы она всегда с тобой играла?

Шэнь Цзи ответил решительно:

— Нравится. Не хочу.

Императрица удивилась:

— Почему?

Мальчик склонил голову набок:

— Потому что... во дворце нельзя летать?

Императрица посмотрела на маленького сына и вдруг, тяжело вздохнув, прижала его к себе.

И слезинка упала с ее лица.

<http://bllate.org/book/22245/2325291>